

Дьяки Посольского приказа и присоединение Сибири

Михаил Акишин

Diaks of the Ambassadors' Office and the annexation of Siberia

Michail Akishin (Novosibirsk State University, Russia)

Общеизвестно, что до конца XVI в. вновь присоединёнными сибирскими землями ведали Посольский приказ и четь дьяка И. Вахромеева. Специальные исследования территориальной компетенции этих приказов провели А.П. Павлов и П.А. Садиков¹. Но роль посольских дьяков в организации присоединения Сибири в сибиреведении до сих пор не изучена. Этот вопрос не нашёл отражения и в специальных исследованиях о жизни и деятельности думных дьяков И.М. Висковатого, А.Я. и В.Я. Щелкаловых². Исключением из сложившейся историографической ситуации является только работа А.А. Преображенского о статейных списках русских послов в Европу с упоминаниями «сибирского взятия». Анализ этих источников привел учёного к выводу о том, что «“сибирский вопрос” занимает прочное место в посольских делах России с другими государствами Европы в конце XVI в.»³.

Исследование поставленной проблемы предполагает изучение эволюции органов внешних сношений Русского государства, роли российской дипломатии в обосновании прав московских самодержцев на сибирские земли, организации присоединения и управления новыми территориями, регулировании правового положения народов Сибири. Исторические источники по теме хорошо известны и опубликованы. Прежде всего это документы официального происхождения – «шерстные» договоры, статейные списки послов, законодательные акты, документы приказного делопроизводства (указные грамоты, памяти, отписки) и т.д., а также русские летописи и сочинения иностранцев.

Система органов внешних сношений Русского государства сложилась в ходе освобождения от ордынского ига. «Единодержцем» и «самодержцем», т.е. независимым носителем верховной власти, стал «государь всея Руси». Ему принадлежало право определять основные направления внешней политики, формировать систему дипломатических органов и должностных лиц, устанавливать их компетенцию. С конца XV в. начала формироваться приказная система управления. В частности, в области внешних сношений ключевую роль стали играть посольские дьяки.

© 2015 г. М.О. Акишин

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 12-01-00386а.

¹ Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 354, 366, 368–369, 372–376; Павлов А.П. Приказы и приказная бюрократия // Исторические записки. М., 1988. С. 191, 194, 196.

² См., например: Граля И. Иван Михайлов Висковатый: Карьера государственного деятеля в России. М., 1994; Шишков С.В. Дьяк Андрей Яковлевич Щелкалов: Опыт реконструкции политической биографии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.

³ Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972. С. 53–54.

В конце XV в. «государь всея Руси» заявил о своих «вотчинных» правах на некоторые сибирские земли. Ещё в XIII–XV вв. власть Новгорода распространялась на Югорскую землю, включая княжества остяков и вогулов северо-западной Сибири⁴. После присоединения Новгорода к Москве в 1478 г. Иван III проводил политику закрепления своей власти над Югрой. В походах 1483 и 1499 гг. московские воеводы захватывали городки местных князей, собирали дань по Тоболу, Иртышу и Оби⁵. После похода 1499 г. князцы Югорской земли признали верховенство московского государя⁶. Распространение его власти на эти сибирские земли выразилось во включении в полный титул Ивана III клаузулы «князь Югорский»⁷. Великий князь Василий III с 1514 г. именовался правителем «Удорским, Обдорским и Кондинским». Весной 1525 г. в Москве бил челом от пяти родов «самояди югорской» посланец Анюдора (Нюдора). Он просил Василия III взять «самоядь югорскую», «что живут по реке по Оби», «под свою руку» и послать рать «на югорского князя Кутыгея», который их «воюет». Таким образом, народы Ямальского севера также формально вошли в состав России⁸.

По замечанию Н.М. Рогожина, значительный комплекс документов конца XV – середины XVI в. по связям с Тюменским и Сибирским ханствами не сохранился⁹. В описи царского архива содержится следующее указание: «Ящик 38. А в нем книги и списки Казатцкие при Касыме царе и Тюменские при Иване царе»¹⁰. Судя по этой записи, в правление Ивана III и Василия III установились отношения с правителем Тюменского ханства Ибаком (1480–1495) и казахским Касым-ханом (1511–1521). Известно, что в 1489 и 1493 гг. хан Ибак направлял в Москву своих послов¹¹. После его смерти в Москве в 1505 и 1508 гг. велись переговоры о выезде на Русь близких родственников хана – сибирского царевича Ак-Курта с дядей Агалаком. С 1518/19 г. на Руси проживали Ак-Дулет и его сын Шах-Али, сын и внук царевича Ак-Курта¹². Австрийский дипломат С. Герберштейн, посетивший Москву в 1517 и 1526 гг., писал, что вблизи с народами северо-запада Сибири, подданными московского самодержца, «находится царство Тюмень, государь которого татарин... и он не так давно причинил большой ущерб москвиту»¹³.

В 1550-х гг. русская армия достигла значительных побед на восточных рубежах государства: в 1552 г. пала Казань, в 1556 г. была присоединена Астрахань, в 1557 г. в состав России вошли башкирские земли. В 1554 г. князь Исмаил из Большой Ногайской Орды шертовал царю на подданство¹⁴. Управление землями покорённого Казанского ханства было сначала передано в ведение приказа Большого дворца, затем – казанского, астраханского, нижегородского

⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 9.

⁵ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 274–277.

⁶ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. I. М., 1977. С. 56.

⁷ ПСРЛ. Т. 26. М.; Л., 1959. С. 275–276.

⁸ Под стягом России: Сборник архивных документов. М., 1992. С. 6.

⁹ «Око всей великой России»: Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII вв. М., 1989. С. 24–25.

¹⁰ Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960. С. 23.

¹¹ Сборник ИРИО. Т. 41. СПб., 1884. С. 146, 168, 199.

¹² Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII вв.: просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 67.

¹³ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 161.

¹⁴ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.; Л., 1948. С. 13.

и мещерского дворецкого, и уже на основе ведомства последнего произошло оформление приказа Казанского и Мещерского дворца¹⁵.

Продвижение Русского государства на восток повлияло на отношения с Сибирским ханством. В январе 1555 г. Едигер направил в Москву своих послов Тягула и Панчяды для переговоров о том, чтобы «белый царь» «всю землю Сибирскую взял во свое имя, и от сторон ото всех заступил, и дань свою на них положил, и дорогу своего прислал, кому дань собрать»¹⁶. Переговоры с послами Едигера вёл думный дьяк И.М. Висковатый, глава учреждённого в 1549 г. Посольского приказа. По его докладу царь согласился на условия, предложенные татарскими послами. Формальное признание сибирским ханом власти московского самодержца отразилось в царском титуле. С 1555 г. Иван IV стал именоваться «и всеа Сибирския земли и Северные страны повелитель». При этом компоненты царского титула «Удорский, Обдорский и Кондинский» сохранялись, т.е. понятие «Сибирь» отождествлялось с основной территорией Сибирского ханства¹⁷.

Посольский приказ начал добиваться признания этого нового компонента царского титула европейскими монархами. В наказе послу в Литву С. Турпееву предписывалось говорить: «Сибирская земля порядку с Казанскою землею; и как государь наш... взял Казань, и сибирской князь Едигерь бил челом государю нашему со всеми сибирскими людьми, чтобы царь... пожаловал, Сибирскую землю держал за собою и дань бы с них имал, а их бы с Сибирские земли не сводил». Посол должен был сказать о размере дани и обязательстве Едигера нести службу с «воинскими людьми, куды государь наш пошлет»¹⁸.

В Сибирское ханство был послан «данщиком» Д. Непейцын, но встретили его неприветливо: не дали провести перепись и собрать полную дань. В Москве рассчитывали получить 30 тыс. соболей, но Непейцын с татарским послом Баяндой привез только 700 шкурок. Иван IV указал заключить татарского посла в тюрьму. Баянда оправдывался тем, что полную дань не удалось собрать из-за того, что Сибирское ханство «воевал шибанской царевич» Кучум. Едигер продолжил переговоры. В сентябре 1557 г. он прислал в Москву шертную грамоту, по которой обязывался быть у царя «в холопстве» и платить дань по 1 тыс. соболей в год. Иван IV согласился с новым размером дани и выпустил Баянду из тюрьмы. В последующем Едигер поддерживал дипломатические отношения с российским самодержцем, сохранились сведения о его посольствах в Москву 1558 и 1563 гг.¹⁹

Параллельно с переговорами о подданстве Едигера московские дипломаты занимались укреплением подданства народов Югорской земли. В 1556–1557 гг. туда был направлен посланец И.В. Иконников. Он передал югорскому князю Певгею и другим «князем Сорыкидские земли, и лучшим людям, и середним, и младшим» грамоту от царя с повелением собрать дань по соболу с человека и доставить её в Москву «по ряду как преж сего». Самодержец обещал своим

¹⁵ Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. Тула, 2009. С. 175–176.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 13. М., 2000. С. 248.

¹⁷ Преображенский А.А. Указ. соч. С. 46.

¹⁸ Сборник ИРИО. Т. 59. СПб., 1887. С. 478–480.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 276, 285; Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции. М., 1978. С. 471.

подданным, что продолжит их «жаловать, и от сторон беречи, и под своею рукою держать»²⁰.

В 1558 г. началась Ливонская война, и все силы Русского государства были сосредоточены на его западных рубежах. В начале войны купец Г.А. Строганов получил жалованную грамоту на право «варницы ставити и соль варити, ставить дворы и расчищать пашню» на пустых местах по р. Каме. При этом на купца возлагалась обязанность оборонять Приуралье «от нагайских людей и от иных орд». Выполняя это обязательство, Строгановы построили на Каме укрепленные городки Канкор и Кергедан (Орёл). В 1566 г. Строгановы были приписаны к опричнине, что принесло им новые привилегии и льготы. В частности, в 1568 г. Я.А. Строганов получил из опричнины жалованную грамоту на ещё не освоенные территории по р. Чусовой²¹.

Итак, в условиях Ливонской войны ответственность за оборону Северного Урала под контролем московских приказов была возложена на воеводу Чердыни и гостей Строгановых. Царской грамотой от 6 августа 1572 г. Г.А. и Я.А. Строгановым разрешалось нанять на службу тысячу казаков с пищальми для «приведения в покорность черемисы». О результатах исполнения этих указаний они должны были сообщить «на Москву в приказ Казанского дворца дьяком нашим Ондрею Щелкалову и Кирею Горину». Грамотой от 30 мая 1574 г. Строгановым разрешалось строить крепости в Зауралье – на Тоболе, Иртыше и Оби²².

Территория Прикамья, а затем и Сибири находилась в ведении выдающегося государственного деятеля того времени – думного дьяка А.Я. Щелкалова. Иван IV называл его «наш ближайший дьяк». Борис Годунов говорил о нём: «Я никогда не слыхал о таком человеке и, полагаю, весь мир был бы для него слишком мал, ему было бы прилично служить Александру Македонскому». Голландец И. Масса писал: «Думный дьяк Андрей Щелкалов... был такой пронырливый, умный и злой, что превосходил разумом всех людей... и по всей стране и во всех городах ничего не делалось без его ведома и желания, и, не имея покоя ни днем, ни ночью, работая, как безгласный мул, он ещё был недоволен тем, что у него мало работы»²³.

В 1570–1594 гг. А.Я. Щелкалов правил Посольским приказом и одновременно приказом Казанского и Мещерского дворца, в ведение которого входили восточные территории до «Сибирского царства», и четвертью, ведавшей Поморьем и Пермью Великой. Его младший брат В.Я. Щелкалов управлял в 1577–1594 гг. Разрядным приказом, в 1594–1601 гг. – Посольским²⁴. В условиях Ливонской войны основное внимание братьев Щелкаловых было сосредоточено на западных и юго-западных направлениях внешней политики Русского государства. Но восточное направление не оставалось без их внимания. Новое обострение положения на восточных рубежах России было вызвано захватом в 1563 г. власти в Сибирском ханстве бухарским ши-

²⁰ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М., 1999. Приложение I. С. 324–325.

²¹ Там же. Приложения 2, 3. С. 326–331.

²² Там же. Приложение 5. С. 332–334; Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее – ДАИ). Т. I. СПб., 1846. С. 175.

²³ Памятники дипломатических сношений Древней Руси с державами иностранными (далее – ПДС). Т. I. СПб., 1851. С. 503; Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 45.

²⁴ Садилов П.А. Указ. соч. С. 354, 366, 368–369, 372–376; Павлов А.П. Указ. соч. С. 191, 194, 196.

банидом Кучумом. Уже в грамоте Ивана IV от 2 января 1564 г. говорилось: «Хвалитца деи сибирской салтан Ишибаны (шейбанид Кучум. – М.А.) итти в Пермь войною». В марте 1569 г. московские власти освободили из тюрьмы пленного сибирского татарина Аису и послали его к Кучуму с царской грамотой, в которой напоминалось о даннических обязательствах Сибирского ханства. Получив это послание, Кучум повелел захватить в Перми трех русских промышленников, двоих задержали в Кашлыке, а третьего послали в Пермь с вестью о том, что хан собирает дань и готовится направить в Москву послов²⁵.

В первой грамоте сибирского хана к русскому самодержцу ничего не говорилось о возобновлении даннических отношений. Напротив, он именовал себя «вольной человек Кучюм царь». Грамота содержала скрытую угрозу: «И ныне похощь миру, и мы помиримся, а похощь воеватися, а мы воюемся». Наконец, Кучум предлагал произвести размен пленными («пяти-шести человек в пойманье держать – земле в том что?») и приступить к переговорам на условиях, что он признает московского «белого царя» «братом старейшим»²⁶. В 1571 г. в Москву прибыл татарский посол Таймас с данью в тысячу соболей и грамотой от «Кучум богатырь царя» к «крестьянскому белому царю». В грамоте содержалась просьба о том, чтобы московский самодержец «взял в свои руки» Сибирское ханство и дань «имал по прежнему обычаю». В Посольском приказе была подготовлена грамота, запечатанная золотой царской печатью, «сибирские начальнику Кучюму-царю милостивое слово». В приказе был также составлен текст шертной грамоты, по которой Кучум и «лучшие сибирские люди» должны были принести присягу и запечатать её своими печатями. В архиве Посольского приказа хранился «столп 80-го году... о сибирском царе Кучюме, как он добил челом государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси и шертовал за всю Сибирскую землю»²⁷. Но летом 1573 г. Кучум пошёл на обострение отношений с Россией. Его племянник Маметкул прошёл с татарской конницей через Урал на р. Чусовую и опустошил вотчины Строгановых. Набег Маметкула носил разведывательный характер, Кучум ставил ему задачу «дорог проводывати, куде итти ратью в Пермь». Одновременно начались набеги на народы Югры, платившие дань царю. Иван IV констатировал в своей грамоте: Кучум запрещал «нашим остякам, и вогуличам, и югричам наши дани в нашу казну давати»²⁸.

В июле 1581 г. в Приуралье началось восстание вогулов, напавших на Чусовские городки, которое ратные люди Строгановых сумели подавить. Но в сентябре того же года на вотчины Строгановых совершил набег пелымский князь. Летом 1582 г. он повторил набег в союзе с сибирскими татарами, которых возглавлял «царевич» Алей, сын Кучума. В строгановских вотчинах были уже казаки Ермака, которые отбили набег от Чусовой. Татары и вогулы отступили, но в сентябре совершили набег на Чердынью²⁹.

В условиях осложнения отношений с Сибирским ханством русская дипломатия пыталась найти союзников для борьбы с Кучумом. Одним из против-

²⁵ ДАИ. Т. 1. № 117. С. 168–171; № 179. С. 311.

²⁶ Собрание государственных грамот и договоров (далее – СГД). Ч. 2. М., 1819. С. 52.

²⁷ Там же. С. 63–65; Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. М., 1977. С. 289.

²⁸ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 1. Приложения 5, 6. С. 332–335.

²⁹ Там же. Приложения 6, 7. С. 335–336; Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 9, 10, 274, 275.

ников сибирского хана был казахский хан Хакк-Назар. В 1573 г. к нему был направлен русский посол Т. Чебуков. Предполагалось, что итогом посольства станет заключение союза против Сибирского ханства, но в пути посольство подверглось нападению, и русский посол пал от руки племянника Кучума. Тем не менее, несмотря на срыв переговоров, Хакк-Назар поддерживал политику России в отношении Сибирского ханства³⁰.

Организацию экспедиции и начало похода Ермака в Посольском приказе явно упустили. О походе московским властям сообщил чердынский воевода В. Пелепелицын. Он доносил, что в сентябре 1582 г. «пелымский князь с сибирскими людьми и с вогулич приходил войною на наши перьмские места и к городу Чердыни к острогу приступал, и наших людей побили, и многие убытки починили», а Строгановы ничем не помогли в защите города. Более того, они отправили в поход на Сибирское ханство казаков-«воров», которые «преж того ссорили нас с Ногайской Ордою, послов ногайских на перевозах побивали, и ордобазарцев грабили и побивали, и нашим людям многие грабежи и убытки чинили»³¹.

Первая реакция царя на известия об этом походе могла привести к опале Строгановых и казаков. В грамоте от 16 ноября 1582 г. их действия квалифицировались как «воровство и измена», вызвавшие международные осложнения. Такая квалификация действий Ермака объясняется законами и обычаями права войны того времени. В России, как и в Европе XV–XVI вв., формировались нормы о том, что только монарх вправе «двигать войну». Московский самодержец не объявлял войны сибирскому хану, а поход Ермака организовали Строгановы. Однако известие о «сибирском взятии» резко изменило это отношение. После захвата столицы Сибирского ханства Ермак «послаша к Москве... и писаша ко благочестивому царю... что... царство Сибирское взяша». Иван IV принял казаков «пред своим царьским лицом» и пожаловал «за... службу и за пролитие их крови». В Сибирь царь послал отряд стрельцов во главе с воеводой С.В. Волховским, что превратило «сибирское взятие» в публичную войну, ведущуюся от имени русского самодержца³².

После смерти Ивана IV думный дьяк А.Я. Щелкалов приобрёл большую власть в Московском государстве. Английский посол Д. Боус писал в 1584 г. королеве Елизавете: «Объявляю, что когда я выехал из Москвы, Никита Романович и Андрей Щелкалов считали себя царями и потому так и назывались многими людьми, даже многими умнейшими и главнейшими советниками»³³. После укрепления власти Бориса Годунова, когда он начал «вершить все дела государства» при царе Фёдоре Ивановиче, А.Я. Щелкалов стал его ближайшим помощником. По свидетельству И. Массы, «Борис был весьма расположен к этому дьяку как необходимому для управления государством»³⁴.

Под контролем Щелкаловых оказалось распространение власти московских самодержцев в Сибири. Напомню, что после покорения Казани они участвова-

³⁰ Сарсембаев М.А. Международно-правовые вопросы в истории Казахстана и Средней Азии: С XV века по настоящее время. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. С. 19.

³¹ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. I. С. 335–336.

³² Там же. Приложение 9. С. 337–338; Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII в. Новосибирск, 2001. С. 43–46.

³³ Первые сорок лет сношений между Россиею и Англиею. 1553–1593 гг. СПб., 1875. № 52. С. 229.

³⁴ Масса И. Указ. соч. С. 45.

ли в создании там новой, воеводской формы управления³⁵. Такая же организация местного управления была перенесена в Зауралье. В 1590-х гг. в Посольском приказе за «скрепой» А.Я. Щелкалова (до 1594 г.) и В.Я. Щелкалова (в 1594–1596 гг.) начали разрабатываться региональные нормативно-правовые акты – указы, определявшие компетенцию сибирских воевод, дополнявшиеся памятями и грамотами. Отписки о выполнении наказа, памятей и грамот воеводы должны были присылать «ко государю к Москве в Посольской в четвертной приказ к дьяку... Щелкалову». С июня 1596 до конца декабря 1598 г. грамоты в Сибирь стал скреплять дьяк И. Вахромеев, ведавший четью, которая ранее была связана с Посольским приказом. «Правили» в 1580–1590-х гг. грамоты в Сибирь дьяк И. Вахромеев, подьячие И. Васильев и Т. Осипов³⁶.

До 1594 г. В.Я. Щелкалов являлся судьёй Разрядного приказа, что позволяло братьям определять конкретные назначения на сибирские воеводства. Можно привести сведения о клановых связях Щелкаловых с некоторыми из сибирских воевод. Например, Щелкаловы были тесно связаны с родом Сукиных³⁷. Накануне назначения в Сибирь В.Б. Сукин находился в опале, вызванной недоброжелательством Бориса Годунова. Видимо, спасая своего сторонника, Щелкаловы и назначили его воеводой в Тюмень. Однако успешная сибирская служба не улучшила положения Сукина. В боярском списке 1588/89 г. он вновь упоминается среди московских дворян с пометой: «У пристава. В опале». Щелкаловы продолжали ему покровительствовать: в 1589–1590 гг. Сукин был включен в список дворян, намеченных к участию в шведском походе; в 1599 г. направлен послом в Швецию. Наконец, в 1603 г. получил чин думного дворянина³⁸. В 1595 г. тюменским воеводой был назначен князь Г.И. Долгорукий. Из местного дела 1585–1586 гг. между князьями Г.И. Долгоруким и В.И. Бахтеяровым, в разбирательстве которого участвовал А.Я. Щелкалов, известно, что Г.И. Долгорукий приходился ему сватом³⁹.

В Посольском приказе планировались все кампании «сибирского взятия». В 1585 г. на выручку к Ермаку была послана рать во главе с воеводой И. Мансуровым. Казаков в Кашлыке воевода уже не застал, но, отходя из Сибири, основал в ней первый русский острог – Обский городок. Вместе с воеводой из Сибири в Москву выехал правитель Куноватско-Ляпинского княжества Лугуй. В Посольском приказе с ним провели переговоры, и он первым из сибирских владетелей получил жалованную грамоту от московского самодержца на свои родовые угодья⁴⁰. В 1586 г. в Сибирь был послан отряд во главе с воеводой В.Б. Сукиным, который заложил Тюмень. В 1587 г. на помощь им пришла рать письменного головы Д.Д. Чулкова, построившая вблизи старой татарской столицы Тобольск⁴¹.

³⁵ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII в. (Управление Казанским краем). Казань, 1982. С. 38–52.

³⁶ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. I. Приложения 17, 18, 20, 23. С. 357, 359, 362, 364, 365; Павлов А.П. Указ. соч. С. 198, 204.

³⁷ Лихачёв Н.П. Разрядные дьяки XVI века: Опыт исторического исследования. М.: СПб., 2007. С. 214–215.

³⁸ Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII вв. М., 1994. С. 218, 253, 292, 323.

³⁹ Разрядная книга... Т. I. Ч. I. С. 90–91.

⁴⁰ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. I. Приложение 9. С. 337–338.

⁴¹ Акишин М.О. «Благородные мужи» Чулковы // Родина. 2004. Специальный выпуск: Тобольск – живая былина. С. 41–43.

В 1592 г. в наказе воеводам П.И. Горчакову и Н.В. Траханиотову из Посольского приказа «за приписью дьяка Ондreja Щелкалова» излагался план кампании по закреплению власти московского государя в северо-западной Сибири. Прежде всего воеводам предписывалось «замирить» восставших вогулов Пелымского княжества, продолжить наступление на Обский север и основать там русские остроги. Этот план был реализован в 1593–1594 гг. и привёл к основанию Берёзова, Пелыма и Сургута⁴².

Следующая кампания была проведена в Южной Сибири и привела к окончательному разгрому Кучума. Следует отметить, что во время этой кампании Щелкаловы широко использовали дипломатические средства. В 1593 г. пленённый «царевич» Абул-Хаир направил отцу грамоту с предложением, чтобы Кучум был «при его царском величестве» и жил на Руси или в Сибири. Гарантией этого предложения явились заверения А.Я. Щелкалова, обещавшего «царевичу», что его отец получит в России города, волости и денежное жалованье «по твоему достоинству»⁴³.

В 1594 г. воевода Елецкий получил в Посольском приказе наказ совершить поход в верховья Иртыша, основать там Тарский городок и о результатах похода «отписать... в приказ к дьяку к Ондрею Щелкалову». В отношении Кучума воеводе следовало проявить дипломатичность: уверять, будто «государь Кучума-царя хочет держать под своею царскою рукою» и готов отпустить к нему из Москвы его сына Абул-Хаира, но при условии, что Кучум пришлёт в столицу другого сына. Одновременно следовало при посредничестве тобольских служилых татар переманивать знатных соратников Кучума, жалую их сукном и хлебом. После того как Тара будет надёжно укреплена, надлежало совершить поход в места кочевания Кучума и «извоевати их накрепко». При основании Тарского городка воевода в соответствии с наказом предложил Кучуму, чтобы он «жил вверх нового города, в которых городкех пригоже». Хан, видимо, согласился с этим предложением, и по его приказу «царевич» Али увёл на юг от Тары жителей Аялынской и Малогородской волостей, переселив их в новопостроенный Чёрный городок. Но уже в марте 1595 г. государевы служилые люди из Тары совершили поход в места кочеванья Кучума. Согласно наказу, разработанному дьяком В.Я. Щелкаловым, новый тарский воевода Ф.Б. Елецкий в 1596 г. направил к Чёрному городку отряд служилых людей. Городок был сожжён, сидевшие в осаде татары частью разбежались, частью попали в плен⁴⁴.

В 1597 г. царь Фёдор Иванович вновь направил Кучуму послание. В нём он заявлял о своих «вотчинных» правах на Сибирь и объявлял, что ожидает от Кучума челобитья и раскаяния в своих «винах и неправдах». В случае челобитья Кучума московский самодержец обещал его «устроить на Сибирской земле царем» под своим протекторатом. Хану предлагался выбор места жительства – «здесь, в нашем государстве Московском, при наших царских очех», или же «на прежнем своем юрте, в Сибири»⁴⁵. Кучум не ответил на царское послание, но вступил в переписку с воеводой Тары. Он заявлял о возможности переговоров: «Ныне попытаемся мириться – любо будет на конце лучше».

⁴² Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. I. Приложение 11. С. 339–346, 350; Первое столетие сибирских городов. XVII век. Новосибирск, 1996. С. 74.

⁴³ СГГД. Ч. 2. № 66. С. 130.

⁴⁴ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. I. Приложение 13, 18, 20. С. 347–350, 358–359, 362–363.

⁴⁵ СГГД. Ч. 2. № 66. С. 130.

У русских он просил «иртишского берегу», т.е. права беспрепятственно кочевать в прииртышских степях на условиях 1594 г. Свои заявления Кучум сопровождал угрозой: «А с ногаи есмь в соединении, и только с обеих сторон станем, и княжая казна шатнетца»⁴⁶.

В 1598 г. воевода Тары А. Воейков с отрядом русских служилых и татар отправился в степь на поиски Кучума. Встреча противников произошла 20 августа. Хан был разбит и бежал в Ногайскую Орду, где его встретили неприветливо. По мнению В.В. Трепавлова, умер он ненасильственно в 1599 или 1600 г. от преклонного возраста и болезней⁴⁷. После разгрома 1598 г. «сибирского богатыря» Кучума в титуле московского самодержца появилась клаузула «царь Сибирский».

Параллельно с организацией походов ратных людей и воеводского управления в Посольском приказе занимались вопросом определения правового положения народов Сибири и пределах их автономии в составе Русского государства. Состоялись переговоры с ляпинским князем Лугуем (1586), князьями Васпукольской волости Игичеем Алачевым и его братом Онжей Юрьевым (1594). Их результатом стали жалованные грамоты, в которых гарантировались права сибирских князей на управление и суд в их владениях, самостоятельный сбор ясака на царя при условии верности ему⁴⁸. Пленённые татарские царевичи доставлялись в Посольский приказ и из него определялись на русскую службу. Автор Погодинской летописи, работавший с документами приказа, указывает, что вся документация о царевичах хранилась в его архиве: «тому письмо есть в Посольском приказе»⁴⁹.

Чрезвычайно большую роль сыграл Посольский приказ в обосновании прав московских государей на сибирские земли, добиваясь признания этого права от монархов соседних государств. Впервые предписание рассказать о «сибирском взятии» содержится в наказе послу Л. Новосильцеву к германскому императору (ноябрь 1584 г.)⁵⁰. Думается, в качестве адресата первого известия о распространении власти московского самодержца на Сибирское ханство он был избран вовсе не случайно. Вплоть до ликвидации Священной Римской империи германской нации в 1806 г. император рассматривался в качестве светского покровителя всех католиков и формально короновал европейских монархов. Известия о «сибирском взятии» включались в указы русским послам и в другие государства. В 1585 г. информация об этом была помещена в наказ русским послам в Швецию. В 1586 г. о присоединении Сибири получил извещение король Польши. В 1590 г. русским послам следовало в «разговорах» с персидскими послами упомянуть, что «его государевы ис Перми казаки взяли (Сибирское ханство. – М.А.)». О том же предписывалось говорить в наказах русским послам в Крым в 1592 и 1593 гг.⁵¹

«Взятие Сибири» объяснялось тем, что «Сибирское царство искони вечная вотчина государей наших», а сибирские «цари» «бывали из рук государей наших». Антимосковская политика Кучума рассматривается как нарушение

⁴⁶ Там же. № 67, 68. С. 131–132.

⁴⁷ Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. С. 60.

⁴⁸ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. I. С. 278–279, 337–338, 353.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. М., 1987. С. 137.

⁵⁰ ПДС. Ч. I. Стб. 922.

⁵¹ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. I. СПб., 1890. С. 11; Преображенский А.А. Указ. соч. С. 48–51.

подданства и «непослушание». Подчёркивалось, что Сибирское ханство взяли «государевы люди» (к каковым относились и казаки Ермака) по государеву повелению. Иными словами, московские дипломаты перечисляли все признаки, которые в средневековой международно-правовой доктрине позволяли признать войну справедливой. Наконец, описывались территории и народы, которые вошли в состав Русского государства: «и Сибирская земля вся, и Югра, и кондинской князь, и пелымской князь, и вогуличи, и остяки, и по Оби по великой реке все люди государю били челом и дань давать почали»⁵².

В европейских странах обычно прохладно относились к успехам Московского государства и не спешили их признавать. Но усилия российской дипломатии достаточно быстро увенчались успехом. В 1596 г. при дворе германского императора Рудольфа пришли в восторг от царских подарков – соболиных и лисьих шкурок, добытых «в Конде, и Печере, и в Угре, и в Сибирском царстве близко Оби реки великой, от Москвы больши пяти тысяч верст». В грамоте 1600 г. от императора московскому царю говорилось: «Да похваляем и радуемся о том, что ваша любовь победили татарское Сибирское царство»⁵³.

Таким образом, в конце XV–XVI в. присоединение Сибирского ханства рассматривалось как возвращение исконных «вотчин» российского самодержца, право на которые ему досталось от древнерусских князей. Проблема эта решалась в основном дипломатическими средствами на основе права внешних сношений, права международных договоров и с учётом законов и обычаев права войны. Ведущую роль в присоединении Сибири сыграл Посольский приказ, а организаторами этого процесса стали думные дьяки А.Я. и В.Я. Щелкаловы. После «сибирского взятия» Ермака московской дипломатии пришлось решать новые правовые проблемы. Во-первых, русские послы добились от монархов Европы и Азии признания включения территории Сибири в состав Русского государства. Во-вторых, в Сибири была организована воеводская система управления. В-третьих, выработан правовой механизм приведения в подданство народов Сибири. Административные прецеденты, созданные дьяками Щелкаловыми, стали обычаями, определявшими организацию воеводского управления и правовое положение народов Сибири на протяжении XVII в.

⁵² СГГД. Ч. 2. № 75. С. 158; № 83. С. 188; Ч. 3. М., 1822. № 14. С. 65–66; Сборник ИРИО. Т. 129. СПб., 1910. С. 414–415, 463, 508, 515; ПДС. Ч. I. Стб. 466, 664, 921–922, 1042–1043, 1073, 1121–1122; Памятники дипломатических и торговых сношений... Т. I. С. 11.

⁵³ ПДС. Ч. 2. СПб., 1852. Стб. 292, 338, 781.